

ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1992 г., ЭО, № 2 В. Р. Филиппов,
Е. И. Филиппова

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КАТУНСКОЙ ГЭС

Проект сооружения каскада ГЭС на р. Катунь (Горно-Алтайская АО) вызвал весьма острые дискуссии: сторонники его реализации ссылаются на дефицит энергии в регионе и невозможность (по ряду причин) решить энергетические проблемы иным способом; противники говорят о возможных неблагоприятных (как правило, экологических) последствиях строительства. Не будучи специалистами в области экономики или экологии, мы воздержимся от высказывания своих суждений по этому поводу и обратим внимание читателей на тот аспект рассматриваемой проблемы, который значительно реже становится поводом для обсуждения в печати, а именно на возможные этносоциальные последствия осуществления катунского проекта.

Очевидно, что крупное строительство и сопряженный с ним массовый приток мигрантов не может так или иначе не сказаться на ходе этнических процессов в регионе. Возникает угроза ассимиляции немногочисленного алтайского этноса, с одной стороны, и разрушения своеобразной этнокультурной общности — старожильческого русского населения Алтая — с другой.

Эта проблема, вызывающая серьезную озабоченность представителей прежде всего алтайской (мы имеем в виду этнических алтайцев) и известной части русской местной интеллигенции, получила в области благодаря средствам массовой информации широкий общественный резонанс.

Для объективной оценки масштабов гипотетической угрозы судьбам основных этнических общностей, населяющих Горный Алтай, по инициативе Гидропроекта СССР сотрудниками кафедры этнографии и этносоциологической лаборатории Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова была проведена независимая научная экспертиза. Сбор эмпирического материала в августе 1990 г. под руководством авторов этой статьи осуществила Алтайская этносоциологическая экспедиция.

Объектом исследования явилось население Шебалинского и Усть-Коксинского районов, расположенных в зоне непосредственного влияния строительства. Выборка массового статистико-этнографического исследования была организована так, чтобы обеспечить представительство всех типов населенных пунктов, характерных для региона (см. табл.).

При организации выборки были сохранены пропорции между представителями основных контактирующих этносов в рамках избранных для обследования населенных пунктов, что позволило объединять подвыборки по всем поселениям в единый массив данных.

Отбор конкретных лиц, подлежащих обследованию, осуществлялся механически по хозяйственным книгам через равный интервал. Такая методика обеспечивает пропорциональное представительство респондентов в выборке по полу, возрасту, образовательному и профессиональному уровню, национальности и другим существенным социально-демографическим характеристикам. В выборке обследования русские составляют более 60%, алтайцы — 36%, казахи,

Выборка массового обследования

Поселок	Число жителей	Опрошено	Этническая характеристика населения
Каспа	381	49	Относительно традиционное алтайское
Еланда	306	40	Относительно русифицированное алтайское
Мульта	342	46	Русское старOVERчерское
Усть-Сема	350	58	Русское миграционное
Шебалино	4897	110	Урбанизированное русско-алтайское
Всего	6276	303	

украинцы и представители других национальностей — 4%, что в целом соответствует этнической структуре населения обследованного региона.

Исследовательская задача применительно к алтайцам трактовалась нами как выяснение степени устойчивости этноса; предстояло определить, станет ли реализация проекта строительства ГЭС (с неизбежным притоком русскоязычных мигрантов) катализатором ассимиляционного процесса или, напротив, формирование новых экономических структур в регионе создаст условия для консолидации алтайского этноса. Очевидно, что ход этнического процесса во многом будет зависеть от того, какой потенциал развития имеет в настоящее время алтайский народ, и в частности от степени его сплоченности, от этнолингвистических характеристик этнофоров, от степени сохранности традиционных форм культуры (прежде всего бытовой и обрядовой), от современного состояния национальной конфессии и традиционной системы социального контроля и, наконец, от уровня национального самосознания алтайцев.

Этнические последствия строительства Катунской ГЭС для русского населения края изучались под несколько иным углом зрения: русские составляют большинство населения Горно-Алтайской АО и вместе с тем являются лишь незначительным фрагментом русского этноса. Мы исходим из того, что русские Алтая в недалеком прошлом представляли собой достаточно своеобразную этнокультурную общность¹. Нужно было выяснить, какие деформации этой специфической культуры возможны вследствие реализации проекта строительства Катунской ГЭС. Поэтому основной задачей изучения русского населения Горно-Алтайской АО мы считали прогнозирование социальных последствий разрушения имеющихся локальных общностей и прежде всего распада традиционной соционормативной культуры под давлением норм поведения, привносимых новыми мигрантами.

В ходе обследования наряду с массовым опросом был применен метод экспертных оценок². Данная методика нацелена на получение сведений от лиц, обладающих большим в сравнении с рядовым обывателем объемом информации по интересующим исследователя вопросам.

В качестве экспертов выступали работники управленческого и партийного аппаратов, представители местной научной и творческой интеллигенции, сотрудники правоохранительных органов областного и районного масштабов.

Экспертный опрос проводился в областном центре — Горно-Алтайске, а также в районных центрах Шебалино и Усть-Кокса. Всего опрошено 65 экспертов (из них 43 — русские и 22 — алтайцы, что примерно соответствует численному соотношению этих групп в населении области).

В ходе беседы экспертам предлагалось оценить степень сохранности отдельных элементов традиционной материальной и духовной культуры алтайцев и уровень консолидации алтайских племен в единый народ; высказать свое мнение о перспективах развития алтайского этноса и вероятности его ассимиляции русскими в обозримом будущем; высказать гипотезу о влиянии предполагаемого притока русскоязычного населения на ассимиляционные процессы; охарактеризовать сложившиеся на сегодня в обследуемом регионе межнациональные отношения и наметить тенденции их дальнейших изменений; ответить на вопрос о наличии в области локальных субкультур русского коренного населения и их жизнеспособности.

собности в случае массовой иммиграции. Коренным русским населением Алтая мы называем группы, живущие в регионе на протяжении уже нескольких поколений, без традиционно принятого деления на старожилов и новоселов, так как в контексте рассматриваемой проблемы они все являются «старожилами» по сравнению с вновь прибывающими мигрантами.

В процессе анализа полученной информации нами была выдвинута гипотеза о влиянии на ответы экспертов таких факторов, как их национальная принадлежность, место жительства (город или село), а также род занятий. Поэтому статистическая обработка материала проводилась как в целом по всем опрошенным, так и после предварительной разбивки на подмассивы (русские — алтайцы, город — село, управленцы — партаппарат — интеллигенция)³. Такой подход позволил не только выявить различия в позициях выделенных групп экспертов, но и получить дополнительную информацию о причинах формирования этих позиций, а также о роли в данном процессе проблем, связанных непосредственно или опосредованно с проектом строительства Катунской ГЭС.

* * *

Как уже было сказано, одним из центральных аргументов в дискуссии по поводу перспектив строительства Катунской ГЭС является возможное размывание алтайского этноса вследствие массового притока русскоязычных мигрантов, урбанизации образа жизни и т. д.

Рассматривая вероятные последствия реализации проекта для развития алтайского этноса, нужно иметь в виду его сравнительную малочисленность (по данным областного управления статистики, 59 130 человек в 1989 г.), а также дисперсное расселение среди численно преобладающих (115 188 человек) русских.

Важно также то, что алтайский этнос неоднороден по своей структуре; в литературе высказывается даже мнение, что фактически это объединенные в результате территориально-административных преобразований разнородные в этническом отношении элементы⁴. В районе предполагаемого строительства преобладают южные алтайцы, в частности две относительно крупные этнографические группы — алтай-кижи и маймалары.

Неоднородность этнического состава алтайцев подтверждается данными опроса экспертов, которым было предложено оценить по пятибалльной шкале уровень внутриаэтнической консолидации алтайцев. Выяснилось, что основная масса экспертов представляет его себе как средний или чуть выше среднего (наиболее часто встречающиеся баллы — «3» и, реже, «4»). При этом эксперты-алтайцы оценивают достигнутый уровень консолидации выше, чем их русские коллеги, а сельские жители — выше, чем горожане.

Любопытные результаты получаются, если проанализировать отдельно ответы на этот вопрос трех выделенных нами профессиональных групп экспертов (управленцы, партаппарат, интеллигенция). В то время как оценки двух последних групп отличаются высокой степенью согласованности (69% представителей интеллигенции и 60% партийных работников сочли адекватной оценку «3», а 25 и 33% соответственно — «4»), в группе управленцев наблюдается полный разброс — от «1» до «5»; в этой же группе оказались все эксперты, вообще не давшие ответа на этот вопрос. Объяснить такую картину можно либо недостаточной компетентностью управленческого аппарата, либо волюнтаризмом в оценке, обусловленным конъюнктурными соображениями.

С вопросом о нынешнем уровне консолидации алтайского этноса тесно связан вопрос о перспективах его развития. Почти половина всех опрошенных экспертов (49%) согласна с мнением, что сегодня алтайцы — это группа племен, консолидирующихся в единый народ. Чуть меньше четверти (22%) считает, что прежде чем этот процесс будет завершен, произойдет ассимиляция алтайцев русскими. Оставшиеся 29% полагают, что единый алтайский этнос существует;

при этом одна половина из них уверена, что он сохранится и в дальнейшем, а другая предвидит его ассимиляцию. Отметим, что опасения ассимиляции ярче выражены в группе алтайцев по сравнению с русскими (ответы, предполагающие вероятность такого исхода, посчитали адекватными 45,5% экспертов-алтайцев и только 30,3% русских) и в группе сельских жителей по сравнению с городскими (соответственно 46 и 31%). При разбивке по профессиональному признаку наибольший пессимизм наблюдается в группе интеллигенции (69% представителей этой группы экспертов предсказывает поглощение алтайцев преобладающим по численности русским населением области), а оптимизм — в группе партийных функционеров, лишь 21% которых признает наиболее вероятным подобное развитие событий.

Сопоставление ответов каждого из экспертов на оба эти вопроса (в сущности дополняющие друг друга) позволило нам судить о том, насколько объективна полученная информация. В целом наблюдается высокая согласованность ответов, свидетельствующая о наличии определенной позиции по интересующему нас вопросу у большинства наших собеседников. Только семь из них дали на эти вопросы противоречивые ответы (считая алтайцев единым народом, они оценили уровень его консолидации баллами «1» и «2»).

Данные опроса экспертов подтверждаются материалами массового обследования, которое показало, что лишь 58,7% опрошенных алтайских респондентов воспринимают алтайцев как единый народ; 16,5% допускают возможность слияния отдельных племенных общностей в единый этнос; 19,3% считают, что отдельные племена, населяющие Горный Алтай, — суть разные народы.

Инструментарий массового статистико-этнографического обследования содержал ряд вопросов, ответы на которые можно расценивать как индикаторы выраженности национального (этнического) самосознания опрашиваемых. В частности, на это были направлены вопросы об отношении наших респондентов к процедуре фиксации национальности граждан в паспорте. Значительное большинство опрошенных — 63,4% алтайцев и 63% русских (русские в данном случае рассматриваются нами как референтная группа) однозначно высказывались в пользу обязательной фиксации национальной принадлежности в паспорте; 21,8% алтайцев и 19,1% русских ответили, что заполнять графу «национальность» следует по желанию человека; 13,9% алтайцев и 16,8% русских считают, что национальность в паспорте записывать не следует.

При содержательном анализе данных статистических распределений прежде всего бросается в глаза пропорциональность соотношения русских и алтайских респондентов, так или иначе ответивших на данный вопрос. Но здесь нужно иметь в виду, что наличие заметной прослойки лиц, индифферентно относящихся к официальному закреплению за каждым определенной этнической принадлежности, в составе интересующих нас народов обусловлено применительно к каждому этносу различными причинами. Численно преобладающие в регионе и в стране русские чувствуют себя в этническом плане достаточно комфортно, и именно это чувство комфортности порождает безразличное отношение к вопросам, связанным с национальной принадлежностью; в случае возникновения этноконфликтной ситуации индифферентное отношение может смениться у этой группы респондентов чувством национальной озабоченности и даже национальной агрессивностью. Малочисленные алтайцы в преобладающем русскоязычном окружении не высказывают особого желания официально зафиксировать свою национальную принадлежность из соображений своеобразной «этнической мимикрии». В случае изменения ситуации (например, приток мигрантов) эта категория респондентов частично пополнит собой группу алтайцев с выраженным национальным самосознанием и негативными этноконтактными установками, частично же будет ассимилирована русскоязычным населением региона.

Имеющийся в нашем распоряжении статистический материал свидетельствует о том, что наиболее интенсивно этническое самосознание выражено у алтайских респондентов, проживающих в высокогорном мононациональном с. Каспа

(Шебалинский р-н). На вопрос «Если бы при получении паспорта служащий, производящий запись, указал не ту национальность, которую назвали Вы сами, как бы Вы к этому отнеслись?» 84,6% каспинцев ответили: «Стал бы добиваться исправления записи». В долининной, расположенной на тракте, Еланде (Шебалинский р-н) подобный ответ дали 66,7% опрошенных алтайцев. Безразличное отношение к этнической принадлежности проявили в этих селах соответственно 5,1 и 4,8% респондентов. В частично урбанизированном районном центре Шебалино с национально-смешанным населением последний вариант ответа фигурирует у 15,2% алтайцев.

Проведенное исследование позволило сделать также важное наблюдение, касающееся этнического самосознания русских жителей Алтая. Во всех населенных пунктах на вопрос о реакции на ошибку записи национальности в паспорте русские респонденты дали ответ, свидетельствующий о ярко выраженном самосознании (66,7—67,6% опрошенных). В староверческом (кержацком) поселке Мульта (Усть-Коксинский р-н) интенсивное национальное самосознание проявили 87,2% респондентов, т. е. здесь конфессиональное самосознание служит фактором, обеспечивающим определенную стабильность самосознания этнического. В русле наших исследовательских задач можно сделать вывод, что массовый приток мигрантов будет в какой-то степени провоцировать «развал» целостных локальных субкультур русского старожильческого населения Алтая, распад староверческих конфессиональных общностей, что в свою очередь повлечет за собой частичную деэтнизацию русского населения.

Показателен в этом отношении и тот факт, что русские респонденты, не менявшие места жительства и всю жизнь прожившие в одном селе, несколько чаще, чем мигранты, отвечали, что потребовали бы исправления ошибки, допущенной при записи национальности (72,3 и 68,8% соответственно).

Расценивая этот вариант ответа как индикатор интенсивного этнического самосознания, мы пришли к выводу, что указанный феномен среди алтайского населения наиболее выражен у сельскохозяйственных рабочих (81,6% респондентов с интенсивным национальным самосознанием); значительно менее у специалистов (71,4%) и пенсионеров (70,6%). Наконец, среди неработающих указанный вариант ответа дали лишь 50% опрошенных. Последний факт объясняется, вероятно, тем, что в этой группе информаторов преобладают женщины-домохозяйки и инвалиды, безразлично относящиеся к своей этнической принадлежности. Что касается специалистов, то, получая образование в вузах или техникумах, алтайцы постоянно контактируют с русскими (интенсивное межнациональное общение увеличивает среди алтайцев долю лиц с благожелательными этноконтактными установками), воспринимают урбанизированный образ жизни, носителями которого на Алтае выступают русские.

Этническое самосознание русских Алтая обуславливается социально-профессиональным статусом респондентов почти аналогичным образом, хотя доля лиц, безразличных к своей национальной принадлежности, среди них значительно выше — приблизительно на 10% во всех группах. В то же время мы должны принимать во внимание, что русские, составляющие большинство как в интересующем нас регионе, так и в стране в целом, до самого последнего времени не испытывали особых неудобств в национальном окружении, в том числе и на Алтае. Рост национального самосознания великороссов в значительной степени связан с реакцией на проявления национализма в республиках. Нужно иметь в виду, что возникновение этноконфликтных ситуаций на Алтае может резко активизировать процесс интенсификации этнического самосознания русских в регионе.

Показательна возрастная динамика интересующего нас феномена. Русские респонденты пожилого возраста в трех случаях из четырех демонстрировали установку, свидетельствующую о выраженном национальном самосознании; лица средних лет реже — 69,4%, причем 18% из них показали безразличное отношение

к правильности записи их национальности в документах. Среди молодежи интенсивное национальное самосознание проявили 100% опрошенных.

Иная картина вырисовывается при анализе возрастной динамики рассматриваемой этнической установки у алтайцев: наиболее значительна доля индифферентно относящихся к собственной этнической принадлежности среди людей пожилых — 16,7%, столько же респондентов-алтайцев этой возрастной группы проявили слабо выраженные этнические ориентации и 66,7% — интенсивные. Наиболее ярко выражены интересующие нас ценностные ориентации у алтайцев среднего возраста — 74% респондентов продемонстрировали стабильное национальное сознание; безразлично относятся к записи национальности в паспорте лишь 7% опрошенных. Судить об интенсивности этнического самосознания алтайской молодежи, к сожалению, трудно вследствие нерепрезентативности данной группы в нашей выборке.

Выявлению степени сохранности алтайского этноса в настоящее время было уделено особое внимание в ходе опроса экспертов. Мы предложили им набор компонентов, составляющих этническую специфику, сохранность каждого из которых требовалось оценить по четырехбалльной шкале («4» — сохраняются полностью, «3» — сохраняются в значительной степени, «2» — сохраняются отдельные элементы, «1» — исчезли совсем). В качестве подлежащих оценке компонентов были выделены традиционная система хозяйства, репродуктивные установки (характерная в прошлом для алтайцев многодетность), специфическая социальная организация (деление на сеоки) и система соционормативного контроля, материальная культура, обычаи и обряды, архаические (дохристианские) религиозные представления, фольклор, язык.

Анализ полученных ответов позволил нам проранжировать выделенные компоненты по степени их сохранности как в интегрированном виде, так и отдельно для различных групп экспертов.

По мнению опрошенных, лучше прочих компонентов сохраняются язык и фольклор. При этом алтайцы менее оптимистичны по сравнению с русскими в отношении сохранности языка, но зато выше, чем последние, ставят сохранность фольклора. Горожане дают более низкие оценки сохранности алтайского языка по сравнению с сельскими жителями; это, очевидно, объясняется тем, что в городе процесс языковой ассимиляции идет быстрее. Если сравнить ответы на вопрос о языке представителей различных профессиональных групп, можно увидеть, что наиболее взвешенно отвечает на него интеллигенция. В этой группе отсутствуют крайние суждения, т. е. состояние интересующего нас феномена не представляется нашим собеседникам ни идеальным, ни критическим; доля выставивших условную «тройку» (напомним, по четырехбалльной шкале) несколько выше доли сторонников «двойки» (соответственно 56, 25 и 43,75%). Партийные и советские работники оценивают степень сохранности алтайского языка выше, чем интеллигенция, при этом распределение их ответов на этот вопрос почти одинаково.

Такая позиция экспертов хорошо подтверждается и данными массового опроса, согласно которым сейчас владеет алтайским языком в той или иной степени 89% опрошенных алтайцев (в том числе только алтайским 8,3%, остальные 80,7% и алтайским, и русским, причем 17,4% из них считают, что русский язык они знают лучше). Таким образом, сегодня только 11% алтайцев в обследованном регионе заявили, что не владеют алтайским языком. Однако в качестве языка, на котором они хотели бы учить своих детей, русский предпочли уже 15% опрошенных, а алтайский — всего 5,6%. Доля сторонников обучения на двух языках (79,4%) практически не отличается от доли двуязычных сегодня.

Сохранность фольклора эксперты-горожане оценивают выше, чем сельчане. Большинство последних (59%) считает, что сохраняются лишь отдельные его элементы, а почти 12% не смогли определить свою позицию по этому вопросу. Между тем около 60% экспертов-горожан находят, что традиционный алтайский

фольклор сохраняется полностью или в значительной степени и всего 2,4% — что он исчез совсем. По-видимому, это связано с тем, что в значительной мере утраченные фольклорные традиции начинают сейчас возрождаться именно в городах, где возникают художественные коллективы, обращающиеся в своем творчестве к народной культуре.

Из выделенных нами профессиональных групп самую сдержанную оценку степени сохранности фольклора дает интеллигенция, что свидетельствует о наибольшей озабоченности этой группы судьбой народной культуры и более глубоким вниманием к этой проблеме.

На среднем уровне, как считают эксперты, сохраняются такие компоненты, как традиционные обычаи и обряды (особенно обряды жизненного цикла), а также национально-специфическое репродуктивное поведение. В оценке последнего наиболее существенны различия между русскими и алтайцами, хотя в целом картина похожа: преобладают средние значения ответов — «3» и «2» балла. Однако у русских больше «троек», а у алтайцев — «двоек». Среди алтайцев меньше доля экспертов, поставивших «четверку», и больше — «единицу». Действительно, алтайская семья остается более многодетной, чем русская, хотя произошло значительное уменьшение числа детей по сравнению с прошлыми поколениями, и этот процесс продолжается. Поэтому русские исходят в своих оценках из сопоставления себя с алтайцами, а последние — из сопоставления себя нынешних с собой прошлыми. Различия в ответах на этот вопрос, обусловленные профессией экспертов и их местом жительства, менее существенны.

На мнение опрошенных о состоянии традиционных обычаев и обрядов также прежде всего влияет национальная принадлежность (алтайцы оценивают их сохранность выше, чем русские).

По общему мнению как русских, так и алтайцев, наиболее существенному разрушению подверглись такие составляющие традиционной культуры алтайского этноса, как способы ведения хозяйства, материальная культура, религиозные представления и особенно система соционормативного контроля.

Хотя в общей иерархии компонентов традиционное хозяйство и русские, и алтайцы ставят на шестое место (всего компонентов 9), внутренняя структура распределения баллов этого признака различается в зависимости от национальности опрошенных. Среди алтайцев большее число экспертов поставили высший балл (13,6%, у русских — 5,5%) и меньше — низший (соответственно 9 и 11%), хотя доля лиц, выбравших более нейтральные варианты ответов, практически одинакова (76,2 и 77%). В ответах представителей исполнительной власти наблюдается наибольший разброс по сравнению с остальными профессиональными группами. Это не может не удивлять, учитывая, что именно данная категория специалистов должна бы по роду своей деятельности иметь достаточно четкое представление о хозяйственной деятельности «управляемого» ею населения. Разница в оценке сохранности традиционных форм ведения хозяйства городскими и сельскими жителями незначительна.

Оценивая современное состояние народной материальной культуры, наибольшее единодушие проявили представители интеллигенции: 75% из них полагают, что сохраняются лишь отдельные ее элементы, и только 25% считают положение в этой сфере вполне благополучным. Разброс мнений управленцев и особенно партийных работников более значителен. Алтайцы высказываются по этому вопросу определеннее, чем русские (что в общем естественно). Понятие «материальная культура» включает в себя ряд составляющих, которые отличаются разной степенью устойчивости, что было специально отмечено некоторыми из опрошенных нами экспертов. Так, лучше других элементов материальной культуры сохраняется пища; народный костюм носят теперь, как правило, лишь в праздничные дни и в основном лица среднего и старшего возраста; традиционное алтайское жилище — аил превращается сегодня в летнюю кухню, рядом с которой

все чаще можно увидеть обычный срубный дом, не отличающийся от домов местного русского населения.

Вопрос о бытовании традиционных (дохристианских) религиозных верований вызвал большие разногласия среди экспертов. Значительная их часть уклонилась от ответа на него (16,6% русских, 22,2% советских работников, 29,4% жителей села). Мнения же ответивших далеки от единодушия. Исключением может служить разве что группа интеллигенции, 81,25%, которой утверждают, что в настоящий момент можно зафиксировать лишь отдельные элементы архаических религиозных представлений. 48% управленцев, напротив, считают, что традиционные верования сохраняются в значительной степени. В ответах партийных работников наблюдается полный разброс. Русские дают более высокие оценки сохранности религии алтайцев, чем сами алтайцы, основываясь, очевидно, на наблюдениях внешней, обрядовой стороны этого феномена (ленточки на деревьях у перевалов, источников и т. п.) и не имея возможности объективно судить об изменениях мировоззренческого порядка. Сколько-нибудь значимой разницы в ответах на данный вопрос в зависимости от места жительства опрошиваемых не обнаружено.

Не удалось выявить и достаточно определенной тенденции в ответе на вопрос о степени сохранности традиционной социальной организации алтайского общества. Очевидно, этот вопрос оказался сложным для экспертов. Можно также предположить нежелание отвечать на него откровенно. Однако надо отметить существенно более высокие оценки алтайцев по сравнению с русскими и сельских жителей по сравнению с горожанами. При этом соотношение разброса баллов обратное: русские и горожане проявляют большее единообразие в суждениях (более половины тех и других не считают, что традиционные социальные структуры играют заметную роль в жизни современного общества). Это объясняется тем, что урбанизация способствует разрушению этнической специфики общественных отношений, по-видимому, еще достаточно прочных в сельской местности. В результате алтайцы, живущие в городе, оказываются выключенными из сохраняющихся на селе общественных структур и, так же как русские, которые не соприкасаются с этим замкнутым миром, перестают замечать его. Существенна разница в позициях профессиональных групп: если 62,5% представителей интеллигенции и 53,3% партийных работников находят, что социальная организация, характерная для алтайцев в прошлом, сохраняется в значительной степени, то среди управленцев этой точки зрения придерживаются только 18,5%.

Следует отметить, что при традиционно высоком уровне рождаемости численность алтайского этноса в течение 100 лет остается приблизительно на одном уровне, следовательно, мы можем говорить о состоянии весьма шаткого равновесия его структуры.

Итак, в случае начала крупномасштабного строительства можно с достаточной степенью вероятности предположить, что равновесие структуры алтайского этноса будет нарушено. Урбанизация образа жизни повлечет за собой изменение репродуктивных установок и дальнейшее снижение рождаемости в алтайских семьях. Приток русскоязычных мигрантов и расселение их на этнической территории алтайцев, вероятно, приведет к заметному увеличению числа национально-смешанных браков. Все это, несомненно, форсирует процесс физической ассимиляции алтайцев. Наряду с физической ускоренными темпами будет происходить и культурная ассимиляция алтайского этноса. Впрочем, правильнее назвать этот процесс деэтнизацией: переход к современному («городскому») образу жизни будет сопровождаться окончательным разрушением традиционной материальной культуры и хозяйственного уклада алтайцев, исчезнут рудименты прежней социальной организации и т. д.

В то же время появление новых рабочих мест в случае начала строительства будет способствовать закреплению трудоспособного населения (в том числе, разумеется, алтайского) в регионе, что весьма актуально ввиду нарастающей

угрозы аграрной перенаселенности Горного Алтая. Это предотвратит, в частности, миграцию молодых алтайцев за пределы этнической территории и будет препятствовать размыванию этноса. Можно предвидеть также существенные изменения в социальной структуре населения: увеличение доли промышленных рабочих (в том числе квалифицированных), рост числа алтайской интеллигенции, который скорее всего будет сопровождаться повышением интереса к традиционным этническим ценностям — языку, фольклору, обрядам и пр., рекултурацией отдельных элементов структуры этноса. Формирование городских «локальных субкультур» может сыграть известную роль в сдерживании ассимиляционных процессов (точка зрения, высказанная социологом А. А. Сусоколовым). Кроме того, строительство Катунского каскада, как это ни парадоксально, уже сейчас стало как бы фактором «внешней опасности», способным существенно усилить этноконсолидационные процессы (во всяком случае, в некоторых социальных группах алтайского общества).

И еще одно соображение по поводу перспектив развития алтайского этноса, которое представляется нам весьма важным. Урбанизация образа жизни всегда и везде связана с утратой многих черт традиционной культуры. Поэтому следует признать, что в ходе естественного развития исторического процесса (вне зависимости от результатов дискуссии о целесообразности строительства Катунской ГЭС) современное содержание понятия «алтайский этнос» неизбежно подвергнется существенной трансформации. Стремление определенной части национальной интеллигенции «законсервировать» этническую специфику представляется нам не только утопичным, но и эгоистичным по отношению к своему народу. Мы убеждены, что при определении стратегии экономического и социально-культурного развития всякого этноса необходимо обеспечить приоритет интересов личности над интересами любых групп — этнических, социальных и пр.

Что касается русского населения Горного Алтая, то у нас нет достаточных оснований говорить о серьезной угрозе существованию этой этнокультурной общности в связи с предстоящим строительством ГЭС и прежде всего потому, что локальная специфика русского населения Горного Алтая уже сейчас утратила многие системообразующие элементы. Это, правда, в меньшей степени относится к староверам-кержакам, но их поселения сконцентрированы в основном в высокогорных (достаточно изолированных) районах и они скорее всего не будут втянуты в строительство в массовом масштабе. Пожалуй, наибольшие опасения может вызывать влияние мигрантов на криминогенную ситуацию в регионе. Есть основания думать, что начало строительства будет сопряжено с притоком на Алтай социально опасных групп.

Мы сознательно не затронули еще одну важную проблему, возникающую в связи со строительством, — перспективу развития межнациональных отношений в регионе. Этой теме будет посвящена отдельная статья.

Примечания

¹ См.: *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII—XX вв.). М., 1987.

К сожалению, этот метод, обладающий большими гносеологическими возможностями, до сих пор не нашел широкого применения в отечественной этнологии. Исключение составляют работы Л. С. Христолюбовой. См.: *Христолюбова Л. С.* Вопросы к эксперту. Саранск, 1973; *ее же.* К вопросу о возможностях применения метода экспертных оценок в этнографии // Статистика в этнографии. М., 1985. Обследование группы экспертов было также заложено в программу массового статистико-этнографического обследования, проведенного под руководством В. В. Пименова в Чувашии в 1981 г. См.: *Современные этнические процессы в Чувашской АССР.* Чебоксары, 1984.

² Работники правоохранительных органов — УВД и УКГБ — были опрошены по отдельной программе, в которой основное внимание было уделено вопросам, непосредственно относящимся к их компетенции.

⁴ См., например: *Потанов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.

The article provides a forecast of the ethnosocial implications of Katun HPS construction. It is stressed that traditional culture loss in urbanization and the discussion about HPS construction would not influence on the evolution process. The changes in the Altayan ethnicity are inevitable and the attempts of national intelligentsia to preserve ethnic specificity are both utopian and egoistic. It is asserted that in the process of sociocultural and economic development interests of person should have priority over any social or other groups. There are no reasons to speak about changes in group interests of the Russian population of the Mountain Altai due to the forecoming Katun HPS construction. It is pointed out that the possible influx of the socially maladjusted groups to Mountain Altai can increased crime.

V. R. Filippov, E. I. Filippova

© 1992 г., ЭО, № 2 А. И. К л я ч и н

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ В КРЫМУ (в связи с проблемой возвращения крымских татар)

Резкое усиление межнациональной напряженности, связанное с проблемами депортации, а также возвращением и расселением крымских татар, повысило интерес к разным аспектам этнической истории Крыма. Данная статья посвящена этнической географии Крыма довоенного периода и связанным с ней особенностям межэтнических контактов. Ее фактическую основу составляет этническая карта Крыма, выполненная автором по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. на основе статистики по каждому населенному пункту¹.

В результате сложных миграционных и этнических процессов в Крыму к началу нашего столетия сложилось этнически чрезвычайно смешанное население. Численно преобладавшие на полуострове в конце XVIII в. крымские татары в результате двух волн эмиграции (1790-х и 1850—1860-х годов)² к этому времени составляли меньшинство на своей этнической территории. Лишь в горной и югобережной части Крыма сохранялся относительно компактный ареал татарского населения.

Итак, основной ареал компактного расселения крымских татар в начале XX в. располагался на юге полуострова и простирался от Балаклавы на западе до Судака на востоке и от Карасубазара до Ялты (рис. 1).

Кроме Южного берега крымские татары компактно проживали на Керченском и Тарханкутском полуостровах, в районе Евпатории и на берегу залива Сиваш. В то же время крымские татары практически полностью покинули центральные районы Крыма.

Следует отметить, что к 20-м годам XX в. не завершилось еще формирование единого крымскотатарского этноса. Выделялись три основные этнографические группы татар, различавшиеся по языку, культуре, антропологическим признакам. — югобережные татары *ялы бойлю*, горные татары *тат* или *татлар* и, наконец, степные татары — *ногаи*³.

Помимо крымских татар Крым времен Гиреев населяли немногочисленные общины крымчаков и караимов⁴.

Крымчаки — небольшая этническая группа, сформировавшаяся в позднем средневековье на территории Крымского полуострова. До недавнего времени они говорили на диалекте крымскотатарского языка. Религия крымчаков — ортодоксальный иудаизм. В качестве языка культа, литературы и общинного делопроизводства использовался древнееврейский язык. Большинство крымчаков